

ВЗРОСЛЫЙ И ЕГО ДРУГОЙ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕТСТВА
В АВСТРИЙСКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ
ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ Р.М. РИЛЬКЕ)

© 2017 г. В.В. Котелевская

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет,
Ростов на Дону, Россия*

Дата поступления статьи: 31 июля 2017 г.

Дата публикации: 25 декабря 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-134-145

Аннотация: Тема детства, к которой обращаются психология, философия и искусство XX в., интенсивно развивается в австрийской культуре. Детство исследуется как исток личности, ее «шифр», требующий интерпретации. Психоанализ Фрейда и Ранка, проза Рильке, Музиля, Кафки, Бернхарда, Бахман, Хандке — таковы значимые вехи в становлении австрийского модернистского *текста детства*. Актуальным и перспективным видится исследование концептуализаций детства в австрийской прозе XX в. как части модернистского проекта автономной личности, генерирующей автономное искусство. Райнер Мария Рильке придает лирико-исповедальный тон теме, разрабатывая неоромантическую линию детства как истока артистической личности. Ребенок концептуализируется им как *Другой* взрослого, утрату которого призвано восполнить искусство. Опыт самоисследования предпринимается Рильке в романе о вымышленном датском поэте Мальте Лауридсе Бригге («Записки Мальте Лауридса Бригге» / “Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge”, 1910). Реконструируются сначала личное прошлое героя, его собственное «одинокое» детство, затем — прошлое *всеобщей* Истории и евангельской притчи, откуда рассказчик черпает своего рода *exemplae* для аргументации идеи противопоставления «маски» и *себя-самого*. Фрагментарность и расколотость взрослого «я» отчасти преодолевается героем с помощью возврата к детству, где уже пережиты самоутрата и самообретение. Таким образом, для модернистского персонажа-художника эстетический проект неразрывно связан с «сизифовым» трудом (А. Камю) письма, утратой трансцендентных оснований поэтической «работы» и тотальным опытом отчаяния, которое, согласно Кьеркегору, побуждает к рефлексии.

Ключевые слова: австрийская литература, автофикция, модернизм, детство, роман о художнике, самость, Рильке, Кафка, Бернхард.

Информация об авторе: Вера Владимировна Котелевская — кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: vvkotelevskaya@sfnedu.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

ADULT AND HIS OTHER: CONCEPTUALIZATION OF THE CHILDHOOD IN THE AUSTRIAN MODERNIST FICTION (ON THE EXAMPLE OF R.M. RILKE)

© 2017. V.V. Kotelevskaya
*Institute of Philology, Journalism
and Cross Cultural Communication,
Southern Federal University,
Rostov on Don, Russia*
Received: July 31, 2017
Date of publication: December 25, 2017

Abstract: The childhood as the subject of psychology, philosophy, and art is object of intensive study in the 20th century Austrian culture. Childhood is seen as the origin of personhood, its “code” that calls for interpretation. Psychoanalysis of Freud and Rank, fiction of Rilke, Musil, Kafka, Bernhard, Bachmann, and Handke are the landmarks in the development of the Austrian modernist text on childhood. The study of the conceptualization of childhood in the 20th century Austrian fiction being part of the modernist project of the independent personality generating autonomous art is of scholarly relevance. Rainer Maria Rilke imparts a confessional tone to the theme as he develops the neo-romantic idea of childhood as the source of artistic personality. The child is conceptualized as the *other* of the adult whereas art is conceived to compensate the loss of the former. Experience of self-research is undertaken by Rilke in the novel about a fictional Danish poet Malte Laurids Brigge (*Notebooks of Malte Laurids Brigge* / “Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge”, 1910). The author first describes the past of the character, or his “lonely” childhood, and then turns to the historical past of the mankind and evangelical parable from which the narrator draws exemplae as arguments for his juxtaposition of the “mask” and the self. The fragmentariness or dissociation of the adult self becomes partly overcome by means of return to the childhood, a period when the narrator already gains experience of self-loss and self-discovery. Thus, for the modernist artist, the aesthetic project is inseparably interrelated with the “Sisyphean labor” of writing (Albert Camus), loss of the transcendental principles of poetic “labor,” and total experience of despair which, according to Kierkegaard, inspires self-reflection.

Keywords: Austrian literature, autobiographical fiction, modernism, childhood, artist novel, selfhood, Rilke, Kafka, Musil, Bernhard.

Information about the author: Vera V. Kotelevskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication of Southern Federal University, Bol'shaya Sadovaya 105/42, 344006 Rostov on Don, Russia.

E-mail: vvkotelevskaya@sfedu.ru

Поворот психологии, философии, искусства XX в. к детству как истоку личности, ее «шифру», находит углубленное развитие в австрийской культуре. Психоанализ З. Фрейда и О. Ранка, проза Рильке, Музиля, Бернхарда, Бахман и Хандке — все это значимые вехи в становлении австрийского модернистского *текста детства*.

Райнер Мария Рильке задает лирико-исповедальный тон теме, работая неоромантическую линию детства как собственно художнического истока личности, ключа к поэтической мудрости, обретаемой до всякого прагматического («взрослого») опыта. Ребенок концептуализируется им как *Другой* взрослого, и утрату его призвано восполнить искусство («Письма молодому поэту», «Записки Мальте Лауридса Бригге»). Детство как «причина» поэтического субъекта (ср.: “Die Ursache. Eine Andeutung” — название романа Томаса Бернхарда, открывающего его автофикциональную пентологию), нарративизируется также Кафкой и Бернхардом в их автобиографических текстах и художественной прозе, также имеющей автобиографический подтекст. Оба писателя акцентируют травматический опыт детства, сформировавший творческое эго, а реконструкция «моего» детства обретает у них форму судебнориторического разбирательства, экзистенциального самоисследования. Актуальным и перспективным видится исследование концептуализаций детства в австрийской прозе XX в. как части модернистского проекта автономной личности, генерирующей автономное искусство.

В статье будет рассмотрен случай Рильке в контексте европейского и австрийского модернизма: на материале его дневниковой и художествен-

ной прозы («Записки Мальте Лауридса Бригге» / “Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge,” 1910) будут проанализированы отдельные аспекты концептуализации детства.

В письме Францу Ксаверу Каппусу от 23.12.1903, деликатно наставляя «молодого поэта», Рильке определяет детство как первый и подлинный опыт «одиначества» (“Einsamkeit”) [13]. Деловитая суета взрослых, смысл которой вначале непостижим для ребенка, отчуждает его от них; из детского «не-понимания» произрастает состояние «одиначества, изоляции» (“da doch Nicht-Verstehen Alleinsein ist”), а распознанным вскоре «убогим» взрослым хлопотам, их омертвелым (“erstarrten”, “mit Leben... nicht verbunden”) делам противостоит «широта внутреннего одиначества» [13]. Детство рассматривается Рильке через важную для его миропонимания и поэтики категорию *внутреннего*: как, во-первых, путь к себе, погружение в себя (“Insich-Gehen”) и, во-вторых, приближение к неясной, глубинной сущности вещей (“versuchen Sie es, den Dingen nahe zu sein, die Sie nicht verlassen werden”) [13]. Детство напрямую связывается Рильке с артистическим «я», сущность которого видится ему в парадоксальной отчужденности от мира и одновременно глубинной, болевой спаянности с ним. Его совет «молодому поэту» — не только не бояться одиначества, но полюбить его, припомнить его в первозданном («детском») состоянии и в нем черпать силы для искусства.

В концептуализации детства как своего рода сокровищницы воспоминаний, неисчерпаемого ресурса не только представлений и сюжетных ситуаций, но, главным образом, первоопыта художнического состояния одиначества, остраненного отношения к вещам как заведомо «непонятным» (ср.: [4]) угадывается модернистская установка на абсолютизацию «самости», «меня-самого» как единственного, пусть и ненадежного, источника познания [6; 7; 19]. «Тоска по себе» (“Sehnsucht nach mir”), о которой пишет Рильке во «Флорентийском дневнике» (“Das Florenzer Tagebuch,” 1898) и «Записках Мальте Лауридса Бригге», отображает особое понимание «я» в искусстве и, шире, культуре XX в. Во «Флорентийском дневнике» Рильке артикулирует эту идею томления по своей собственной, не осуществившейся сущности: «Как часто я испытываю острую тоску по себе самому [so grosse Sehnsucht nach mir]. Я знаю: путь еще далек; но вершина моей мечты — тот день, когда к себе приду — я сам [da ich mich empfangen werde]»

[2, с. 14; 14, s. 28–29]. Эта встреча с собой, подобно принципиально не завершаемому проекту «индивидуации» у К.Г. Юнга, постоянно отдалается, субъекту предстоит выстоять перед маскарадом «персон», и единственным, что сохраняет устойчивость в этом пути к себе, остается написанный текст.

Повествование, вымысел о себе — *авто-фикция* — становится не столько мимесисом собственной жизни, сколько способом быть в искусстве. Роман-исповедь, роман-дневник, роман-записки — эти жанровые модификации приобретают в XX в. модус поэтологического романа, своеобразной инверсии романтического романа о художнике (*Künstlerroman*) [11; 19]. Я-сам представляется здесь, таким образом, экзистенциальным *проектом* — тем, что предстоит и следует осуществить в письме, которое, как «хорошее стихотворение», по законам романтической поэзии, «бесконечно», «не направлено ни к какой внешней цели», «уникально» и «должно оставаться незавершенным» [12, с. 686], в литературе модернизма, в свою очередь, приобретает форму самоотчета, самонаблюдения, самоисследования, при этом жизнь наделяется телеологией исключительно артистического проекта (о связи «Записок» с поэтикой и философией романтизма см.: [3]).

Такой опыт самоисследования предпринимается Рильке в романе о вымышленном датском поэте Мальте Лауридсе Бригге, его исповедальном двойнике. Оттолкнувшись от настоящего, условной точки отсчета повествования — «11 сентября, улица Тулье», — ведущий дневниковые записи герой-рассказчик погружается все дальше и глубже в прошлое. Сначала это прошлое его собственного «одинокое» детства (т. е. *персональная история*), затем — прошлое *всеобщей* Истории и евангельской притчи, где нарратор находит своего рода *exemplae*, казусы для аргументации идеи противопоставления «маски» и *себя-самого*.

Аутентичное поэтическое «я» не дается герою через моментальное схватывание интуицией или с помощью работы рассудка: к нему ведет долгий путь, при этом не только вперед, в будущее «опыта» (“Erfahrungen” [15, с. 17]), но и вспять. Детство прожито, оно «как будто погребено» (“sie ist wie vergraben”), и его еще предстоит «наверстать, достичь» (“heranreichen”) заново [15, с. 16], «прояснить» для себя (“man muß zurückdenken können <...> an Kindheitstage, die noch unaufgeklärt sind” [15, с. 17–18]). Целостное, зрелое «я» пока лишь таится глубоко внутри, непостижимое (“Ich habe ein

Inneres, von dem ich nicht wußte. Alles geht jetzt dorthin. Ich weiß nicht, was dort geschieht" [15, s. 18]).

Итак, герою-поэту предстоит начать «работу», и эта работа состоит одновременно в экзистенциально-проективном наполнении «ничто» своего «я», и в акте письма [15, s. 17]. Как верно отмечает Н.В. Шлинкерт, зрелость и целостность постигается субъектом модерна в первую очередь в синкретическом союзе письма-воображения-страдания-действия. Анализируя «поэтическое Я» Рильке в «Записках», исследователь резюмирует: «Поэтическое, самостоятельно действующее, пишущее и страдающее Я поэтизирует себя, воображает самого себя, при этом всерьез отчаиваясь и внутри этого отчаяния действуя исключительно средствами писательского искусства» [18, s. 327].

По мысли героя «Записок», «я» следует высвободить от «загромоздивших» его вещей, подобно тому как сознание и тело страдающего от жара ребенка должно высвободиться из-под груза болезни. Метафора груза Другого выразительно передана в детском воспоминании Мальте: «Горячка рылась во мне и выкатывала из глубин образы, дела и события, о каких я не ведал; я лежал, загроможенный собою, и ждал мгновения, когда мне велено будет все это снова в себя затолкать, по очереди, по порядку. Я даже начинал уже, но все разрасталось у меня под руками, противилось, не лезло в меня. Отчаясь, я запихивал в себя все как попало, тесно придавливал, но мне не удавалось закрыться. И тогда я кричал — полуразверстый — кричал и кричал» [1, с. 80].

Фрагментарность, расколотость взрослого «я», столкнувшегося с непостижимостью себя самого и с угрозой чужого ему внешнего мира, отчасти преодолевается героем с помощью возврата к детству, где обретен первый опыт самоутраты и самособирания.

Одно из переживаний самоотчуждения и самоутраты, постижения себя как «маски» описано в гротескно-карнавальном эпизоде обряжения в венецианские костюмы. Рассказчик воспроизводит заново первый ужас несовпадения зримого в зеркале образа, опознаваемого как «он», Другой, и себя-самого: «Я смотрел на огромного жуткого незнакомца, и мне невыносимо показалось оставаться с ним один на один. И не успел я это подумать, случилось самое страшное. Я совершенно перестал себя сознавать, я просто исчез. На миг я испытал тянущую, горькую, напрасную тоску по себе [wehe

und vergebliche Sehnsucht nach mir], потом остался только он — кроме него ничего не было» [1, с. 76; 15, s. 89].

Исследователи достаточно единодушны в соотношении этого опыта «ужасного» с фрейдовским понятием “Unheimliche” (ср., например: [5; 9; 18]). Г. Бэр пишет о «спектакле ужасного», о воплотившейся «ужасной фантазии двойничества, угрожающей целостности Я» [5, s. 362]. А. Хайссен анализирует этот и другие «детские» эпизоды в «Записках», где герой переживает «самоутрату» (“ego-loss”, “Ent-ichung”), «одиночество, отчужденность» (“alienation”) и даже, по мысли исследователя, «распад Я» (“dissotiation of self”) [9, p. 117]. А. Хайссен высказывает предположение, что Мальте, скорее, вовсе не имел опыта цельности «стабильного эго» (“stable ego”), а, напротив, интенсивно переживал состояния «фрагментации тела», расщепления и раскола сознания. Исследователь, в частности, ссылается на эпизод со словно отделившейся от тела мальчика рукой, акцентирует внимание на том, что текст «одержимо замусорен описаниями частей тела», полон детализации и «фетишизации» фрагментов тела и его атрибутов (лицо нищенки, мелькающие части лиц, описание абсцесса, бинтов и т. п.) [9, p. 118].

Если сам Рильке (в дневниках, письмах и, по преимуществу, в самом романе) положительно отзываясь о возврате к собственному детству, то исследователь видит в этой ретроспекции акт отчаянного «бегства в прошлое» [9, p. 120], вызванного депрессией в чужом «большом городе», чувством потерянности. Он обращает внимание на тесную эмоциональную связь героя-ребенка с матерью и ее младшей сестрой Абелоней в ущерб отношениям с отцом (весьма прохладным, отчужденным), на опыт игрового обряжения матерью мальчика Мальте в девочку Софи. По его мысли, одержимость рассказчика описаниями «фрагментированного тела» отражает его возврат к переживанию доэдиповой фазы развития, «мучительного процесса отделения ребенка от матери», разрушения их «симбиоза» [9, p. 122].

Можно отчасти согласиться с такой психоаналитической трактовкой, однако вряд ли она может претендовать на единственную объяснительную модель образов романа. Так, подчеркивая идентификацию Мальте с женскими образами («великими любящими»), его сопереживание героиням (Кристине, Абелоне, матери), А. Хайссен несколько пристрастно отбирает иллюстративный материал. Ведь не менее интенсивно переживается героем и «мужская» персонификация: ср. образы Карла Смелого, Гришки Отрепьева,

пластически подробные, театрализованные образы дедов по отцу и матери, а кроме того, финальную самоидентификацию с Блудным сыном. И если первая часть романа открывает «материнскую», женскую половину сложного «я» героя-взрослого и героя-ребенка, то вторая часть свидетельствует о преодолении доэдиповой фазы «симбиоза с матерью» [9, p. 122] и вступлении в весьма типичную для модернистского героя стадию бунта против «отцов» (ср. о связи религиозной и семейно-родовой персонификации, против которой восстает субъект модерна: [8, s. 71–79]). В дневнике, который Рильке ведет в Ворпсведе, есть запись (1900): «Наша душа иная, чем у наших отцов» (“Unsere Seele ist eine andere als die unsere Väter”) [17, s. 238].

По смерти отца Мальте незамедлительно сжигает все бумаги, доставшиеся ему от «егермейстера», удаляя отца лишь отчужденно-социальной номинации. Более того, «уход» Блудного сына маркирует в романе акт взросления — попытку стать «ничьим сыном» [10], собственно, вовсе отказаться от семейно-родовых атрибуций, покинуть лоно оберегающего дома (ср.: стихотворение Рильке «Уход Блудного сына» / “Der Auszug des verlorenen Sohnes,” 1907). Разрыв с коллективно-родовым телом семьи совпадают для героя (и для самого Рильке) с высвобождением из лона религиозной традиции, означая начало поисков собственного Бога, весьма далеких от канонических путей западного христианства. Что важно, покидая дом, «ребенок» Мальте оставляет и столь комфортные, блаженные для него состояния «одиночества», отправляясь в странствие, вступая в другого человека, «как в море». Именно так описан этот опыт в черновике, предварительном разрабатывающем мотив «ухода Блудного сына» [17, s. 238]:

Er ging noch als ein Kind von Hause fort.
Früh stiegen seine Hände aus dem Spiel.
Und seine Eltern redeten so viel,
und er verließ sie wie ein dunkles Wort.
Und ward ein Wanderer. Sein Sinn war der:
Hinkommen zu den täglich Übertönten,
Aus Einsamkeiten, die ihn sehr verwöhnten,
An einen Menschen treten wie ans Meer...

В одноименном стихотворении Рильке напишет о пути в «неизвестное» (“ins Gewisse”) как «начале некой новой жизни» (“der Eingang eines neuen Lebens”) [16, s. 17]. Обретение автономии переживается героем «Записок» (как, впрочем, и героем стихотворения, не исключая своим ей бесславной и бессмысленной гибели в чужих краях) одновременно как освобождение и как риск. Мальте — «чужой» биографически (датчанин в Париже) и экзистенциально. Взросление дается 28-летнему поэту через тяжелейший кризис, однако его зрелость связана скорее с осознанием и приятием поэтического призвания, чем с социализацией и преодолением детских травм. Возвращение в детство приносит ему, во-первых, сознание неустрашимости тайны внутри человека («неизвестное внутреннее Я», «не-что непостижимое» [18, s. 325]), во-вторых, понимание задачи поэта как поиска встречи с этой тайной и облечения этого опасного опыта в слова.

Чувство сиротства переживается героями австрийских модернистов как необходимое на пути не столько взросления, сколько осознания экзистенциального удела (ср.: Карл Россман в «Пропащем без вести» Кафки; Ульрих и Агата в «Человеке без свойств» Музиля; братья в романе «Амрас» Бернхарда и др.). Для модернистского персонажа-художника эстетический проект неразрывно связан с «сизифовым трудом» письма, утратой трансцендентных оснований поэтической «работы» и тотальным опытом отчаяния, которое, согласно С. Кьеркегору, и побуждает к рефлексии.

Список литературы

- 1 *Рильке Р.М.* Записки Мальте Лауридса Бригге / пер с нем. Е. Суриц. СПб.: Азбука, 2000. 220 с.
- 2 *Рильке Р.М.* Флорентийский дневник / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Текст, 2011. 222 с.
- 3 *Ханмурзаев К.Г.* Романтическая традиция в романе Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пятых Андреевских чтений / под ред. Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко, Н.Т. Пахсарьян. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2007. С. 133–139.
- 4 *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – Воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. С. 58–73.
- 5 *Bär G.* Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. 732 S.
- 6 *Berghahn C.-F.* Das Wagnis der Autonomie. Studien zu Karl Philipp Moritz, Wilhelm von Humboldt, Heinrich Gentz, Friedrich Gilly und Ludwig Tick. Heidelberg, 2012. 565 S.
- 7 *Fetz R.L., Hagenbüchle R. u a.* (Hrsg.). Geschichte und Vorgeschichte der modernen Subjektivität. Berlin, New York: De Gruyter, 1998. Bd. 2. 456 S.
- 8 *Hildenbrock A.* Das andere Ich: künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur. Tübingen: Stauffenburg, 1996. 285 S.
- 9 *Huyssen A.* Paris / Childhood: The Fragmented Body in Rilke's Notebooks of Malte Laurids Brigge // Huyssen A., Bathrick D. (Hrsg.). Modernity and the Text. Revision of German Modernism. New York: Columbia University Press, 1989. P. 113–141.
- 10 *Höhler G.* Niemandes Sohn. Zur Poetologie Rainer Maria Rilkes. München: Fink, 1979. 422 S.
- 11 *Kellner R.* Der Tagebuchroman als literarische Gattung: Thematische, poetologische und narratologische Aspekte. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 328 S.
- 12 *Novalis.* Das philosophische Werk II. Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs, hrsg. von P. Kluckhohn und R. Samuel. Stuttgart: Kohlhammer, 1968. Bd. 3. 1077 S.
- 13 *Rilke R.M.* Briefe an einen jungen Dichter // *Rilke R.M.* Gesammelte Schriften zu Kunst und Literatur (Vollständige Ausgabe): (German Edition). e-artnow. Kindle Edition.
- 14 *Rilke R.M.* Das Florenzer Tagebuch. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. 122 S.
- 15 *Rilke R.M.* Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. München: Deutscher Taschenbuch, 1965. 174 S.
- 16 *Rilke R.M.* Neue Gedichte. Leipzig: Insel, 1907. 1. Afl. 104 S.
- 17 *Rilke R.M.* Tagebücher aus der Frühzeit. Frankfurt am Main: Insel, 1973. 369 S.
- 18 *Schlinkert N.W.* Das sich selbst erhellende Bewußtsein als poetisches Ich. Von Adam Bernd zu Karl Philipp Moritz, von Jean Paul zu Sören Kierkegaard. Eine hermeneutisch-phänomenologische Untersuchung. Wehrhahn, 2011. 348 S.

- 19 Zima P. *Der europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie*. Tübingen, Basel: A. Francke, 2008. 517 S.

References

- 1 Ril'ke R.M. *Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge* [R.M. Rilke, Notebooks of Malte Laurids Brigge], trans. from German E. Suric. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 220 p. (In Russ.)
- 2 Ril'ke R.M. *Florentijskij dnevnik* [Florentine diary], trans. from German V. Bakusev. Moscow, Tekst Publ., 2011. 222 p. (In Russ.)
- 3 Hanmurzaev K.G. Romanticheskaja tradicija v romane R.M. Ril'ke "Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge" [Romantic tradition in the novel of R.M. Rilke's *Notebooks of Malte Laurids Brigge*]. *Literatura XX veka: itogi i perspektivy izuchenija. Materialy Pjatyh Andreevskih chtenij* [20th century literature: results and prospects of studying. Proceedings of the Fifth Andreev's readings], eds. N.N. Andreeva, N.A. Litvinenko, N.T. Pahsar'jan. Moscow, AKON-INFORM Publ., 2007, pp. 133–139. (In Russ.)
- 4 Shklovskij V.B. Iskusstvo kak priem [Art as device]. Shklovskij V.B. *Gamburgskij schet: Stat'i – Vospominanija – Jesse (1914–1933)* [Hamburg Score: Papers – Memoirs – Essays (1914–1933)]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1990, pp. 58–73. (In Russ.)
- 5 Bär G. *Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm*. Amsterdam, New York, Rodopi, 2005. 732 S. (In German)
- 6 Berghahn C.-F. *Das Wagnis der Autonomie. Studien zu Karl Philipp Moritz, Wilhelm von Humboldt, Heinrich Gentz, Friedrich Gilly und Ludwig Tieck*. Heidelberg, Universitätsverlag WINTER, 2012. 565 S. (In German)
- 7 Fetz R.L., Hagenbüchle R. u a. (Hrsg.). *Geschichte und Vorgeschichte der modernen Subjektivität*. Berlin, New York, de Gruyter, 1998. Bd. 2. 456 S. (In German)
- 8 Huysen A. Paris / Childhood: The Fragmented Body in Rilke's Notebooks of Malte Laurids Brigge. Huysen A., Bathrick D. (Eds.). *Modernity and the Text. Revision of German Modernism*. New York, Columbia University Press, 1989, pp. 113–141. (In English)
- 9 Hildenbrock A. *Das andere Ich: künstlicher Mensch und Doppelgänger in der deutsch- und englischsprachigen Literatur*. Tübingen, Stauffenburg, 1996. 285 S. (In German)
- 10 Höhler G. *Niemandes Sohn. Zur Poetologie Rainer Maria Rilkes*. München, Fink, 1979. 422 S. (In German)
- 11 Kellner R. *Der Tagebuchroman als literarische Gattung: Thematische, poetologische und narratologische Aspekte*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2015. 328 S. (In German)
- 12 Novalis. *Das philosophische Werk II*. Novalis. *Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs*, hrsg. von P. Kluckhohn und R. Samuel. Stuttgart, Kohlhammer, 1968. Bd. 3. 1077 S. (In German)
- 13 Rilke R.M. *Briefe an einen jungen Dichter*. Rilke R.M. *Gesammelte Schriften zu Kunst und Literatur* (Vollständige Ausgabe): (German Edition). e-artnow. Kindle Edition. (In German)

- 14 Rilke R.M. *Das Florenzer Tagebuch*. Fr/M, Suhrkamp, 1982. 122 S. (In German)
- 15 Rilke R.M. *Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge*. München, Deutscher Taschenbuch, 1965. 174 S. (In German)
- 16 Rilke R.M. *Neue Gedichte*. Leipzig, Insel, 1907. 1. Afl. 104 S. (In German)
- 17 Rilke R.M. *Tagebücher aus der Frühzeit*. Fr/M, Insel, 1973. 369 S. (In German)
- 18 Schlinkert N.W. *Das sich selbst erhellende Bewußtsein als poetisches Ich. Von Adam Bernd zu Karl Philipp Moritz, von Jean Paul zu Sören Kierkegaard. Eine hermeneutisch-phänomenologische Untersuchung*. Erlangen, Wehrhahn, 2011. 348 S. (In German)
- 19 Zima P. *Der europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie*. Tübingen, Basel: A. Francke 2008. 517 S. (In German)